

Изба деда Акима

Для показа жизни крепостного крестьянина, его быта, придавленного жестокой эксплуатацией помещика, и для сопоставления быта помещика-эксплуататора и крестьянина-крепостного Переславскому музею понадобилась курная изба.

Курная изба — это обыкновенная крестьянская изба, меньшего размера, в ней у печки нет трубы и дым, выходящий из печки, стелется по избе слоем, равным приблизительно 2/3 высоты, и выходит в открытую дверь.

Я написал письмо в село Кабанское врачу Губину Н. А. — автору книги «Курные избы». Он немедленно сообщил, что единственная такая изба сохранилась в деревне Ильинка, Будовского сельсовета в восточной части Переславского района. Туда я и выехал немедленно.

Это было в 1932 году, — зимой.

Хозяин избы, старик Аким Козлов, показался мне полусумасшедшим. Ему шёл восьмой десяток. Застал я его за маленьким сбочившимся грязным самоваром. При мне он наложил полстакана золы, налил кипятку, размешал, его ржавой вилкой и стал пить.

Маленькие окна промёрзли, они были наполовину заткнуты лохмотьями, и свет через них едва проникал в избу.

Старик только что истопил печь. Едкий дым синеватым, толстым слоем висел под потолком. Дверь была открыта настежь. Стены и углы густо прокоптели, а сажа лохмотьями осела на стенах, потолке и паутинах. Я поминутно выходил на улицу отдышаться, а в избе опускался на колени, чтобы голова не попадала в слой едкого нестерпимого дыма.

Переславль-Залесскому историко-художественному музею для панорамной композиции из жизни крепостного крестьянства понадобилась курная изба.

Курная изба — это обыкновенная крестьянская изба, меньшего размера, в ней у печки нет трубы и дым, выходящий из печки, стелется по избе слоем, равным приблизительно 2/3 высоты, и выходит в открытую дверь. В таких избах жили крестьяне, не имевшие средств платить «подымную подать» — налог с трубы.

Подымный налог, или «дым», известный по летописям с 859 года, просуществовал в отдельных частях Российской империи до 1917 года.

Зимой 1931 года я написал письмо в село Кабанское врачу Николаю Алексеевичу Губину — автору книги «Курные избы», и просил посодействовать в поисках такой избы. Он немедленно сообщил мне, что единственная курная изба сохранилась в деревне Ильинке, в восточной части Переславского района. Туда я и выехал немедленно.

Маленькие окна промёрзли, они были наполовину заткнуты лохмотьями, и свет через них едва проникал в избу. Старик только что истопил печь. Едкий дым синеватым, толстым слоем висел под потолком. Дверь была открыта настежь. Стены и углы густо прокоптели, а сажа лохмотьями осела на стенах, потолке и паутинах.

*Иванов, К. И. Изба деда Акима / К. И. Иванов // *Коммунар*. — 1938. — 30 января. — С. 3. (Текст слева.)
Иванов, К. И. Изба деда Акима / К. И. Иванов // *Юность*. — 1961. — 23 декабря (№ 2394). — С. ?.

Весть о моём приезде быстро облетела всю деревню. У избы старика собрался народ. Некоторые вошли в избу.

У соседей я узнал кое-что о старике. Он спал зимой и летом в печке. Никогда не мылся, только натирал тело мокрой золой. Пол в избе мыл раз в год, и то по-своему: вынимал половицу, спускался с нею с горы к речке Шахе, мыл её и возвращался за следующей.

Часто выпивал, но откуда брал деньги, — этого никто не знал.

Во время разговора Аким часто нагибался к полу и бранился: «Пошёл отсюда! Не мешай!»

Мне он объяснил, что разговаривает с чертями. Тут же он опустился на пол и стал там копошиться.

— Что ты там делаешь?.. — спросил я.

Не оборачиваясь, Аким пробурчал: «Чертёнок шило утащил. Прошу вернуть, а он, озорник, балует, не отдаёт».

Затем он поднялся:

— Шут с ним, поиграет — вечером сам принесёт.

Плюнув в угол, он обернулся в мою сторону и сказал:

— Избу мою покупаешь? — Наплачешься с ней. В ней чертей — кишмя-кишит.

— Зачем же тебе в таком пекле сидеть и себя терзать? Мы тебя переселим в хорошую светлую избу. Сколько хочешь за избу?

Условия Акима были приемлемы. Договорились о переселении. Я обещал подыскать ему новый дом.

Условия были приемлемы. Договорились о переселении. Я обещал подыскать новый дом.

Как только я уехал, Акима навестил поп из соседнего села Елизарово. Ему передали мой разговор со стариком и он явился уговаривать Акима не продавать избу в музей. В этом ему помогали враждебные элементы.

С этим я и уехал в Переславль-Залесский. Вслед за мной в избу к Акиму вошли другие люди.

— Тебя, — говорил поп, — обманут. Избу заберут, а с самим что-нибудь сделают. Изведут, или отравят. Запроси с них непосильную цену и они отстанут от тебя.

— Тебя обманут. Избу заберут, а с тобой что-нибудь сделают. Изведут или отравят. Запроси-ка с них непосильную цену, и они отстанут от тебя, — нащёптывали ему его советчики.

Тем временем я подыскал с помощью сельсовета для Акима в селе Славитине дом, крытый железом, почти новый. В Ильинку послал двух музейных работников за курной избой. Старик заявил, что дешевле чем за десять тысяч он избу не продаст.

Цена, конечно, чрезвычайно высокая. Мои работники возвратились восвояси.

Тогда я снова поехал к нему сам.

Тогда я снова поехал в Ильинку сам.

Собрал сельский актив, прочитал старику решение президиума райисполкома — избу его, как исключительную редкость, передать Переславскому музею, а одинокому старику предоставить бывшие кулацкие хоромы в селе Славитине или переселить его при желании в дом престарелых.

Старик слушал долго и внимательно, с некоторой недоверчивостью. Затем дал твёрдое согласие дом отдать бесплатно и пойти в дом престарелых на государственное обеспечение.

В тот же день, после фотографирования и научного обмера, колхозники разобрали избу, погрузили её на шесть саней, а на передней лошади усадили Акима со всем его скарбом.

Приехали в музей. Колхозников я напоил чаем. Показал музей и распрощался с ними, а Акиму, до получения путёвки в дом для престарелых, отвёл бывшую архиерейскую комнату. Поставил ему кровать, дали пуховую бывшую княжескую перину, подушку, чистые простыни и одеяло. Уборщица приготовила Акиму обед и поставила посуду. Убедившись, что он всем обеспечен — я спокойно ушёл домой.

На другой день прибегает ко мне уборщица Аннушка и говорит: «Суп у старика стоит нетронутым, а сам он лежит в печке. Ничего не говорит».

Я побежал к нему.

— Почему не ешь? — спрашиваю его.

Он заворочался в печке, недоверчиво посмотрел на меня и на суп и ничего не сказал.

Возчики-колхозники меня предупредили (я думал, они шутят), что старик боится отравы. Я попросил у уборщицы чашку и ложку, наложил из горшка супа, отрезал хлеба и начал есть. Смотрю, дед вылезает из печи. Долго посмотрел на меня, затем говорит:

— А коли так, — давай и я попробую.

Взял ложку, начал есть. Тарелки оказалось мало, попросил прибавить. Съел всё.

С этого дня он ел всё.

Жил старик в музее три дня. По-прежнему спал в печке. Только в последний день снял с постели простыню и, не желая, как он выразился, марасть её, лёг на кровать.

Через три дня завхоз Тимофеев отправил Акима на лошади в дом престарелых, в бывшее имение Гагариных, Новского сельсовета.

Не прошло и года, осенью, в канцелярию музея ко мне вошёл опрятно одетый, чистенький, приятный на вид старик.

Поздоровался со всеми за руку. Я сразу и не узнал его. Это был дед Аким.

— Пришёл тебя, родной, благодарить. Ты мне устроил такую жизнь, что и помирать неохота.

— Не я, а советская власть дала тебе хорошую жизнь, — говорю я. — Сейчас многие десятки тысяч престарелых советская власть содержит на государственном обеспечении.

В тот же день, после фотографирования и обмера, колхозники разобрали избу, погрузили её на шесть саней, а на передней лошади усадили Акима со всем его скарбом.

Приехали в музей. Колхозников напоили чаем, рассчитались за перевозку, показали музей и распрощались. А дедушке Акиму, до получения путёвки в дом для престарелых, отвели бывшую архиерейскую комнату. Поставили ему кровать, дали пуховую княжескую перину, подушку, чистые простыни, расшитое шерстяное одеяло. Пусть, думаю, старик хоть раз в жизни отведёт душу на княжеской постели. Уборщица приготовила обед и посуду. Убедившись, что он всем обеспечен, я спокойно ушёл домой.

На другой день прибегает ко мне уборщица Аннушка и взволнованно говорит: суп у старика стоит нетронутым, койка оказалась нематой, а сам он лежит на печке, молчит.

Он недоверчиво посмотрел на меня и на суп и ничего не сказал.

Возчики-колхозники меня предупредили (я думал, они шутят), что старик боится отравы. Я попросил у уборщицы чашку и ложку, наложил из горшка супа.

— А коли так, давай и я попробую, — сказал Аким.

На четвёртый день завхоз отправил Акима на музейной лошадке в дом престарелых, в бывшее имение князей Гагариных.

Поздоровался со всеми за руки. Я не узнал его. Это был дед Аким.

— Не я, а советская власть дала тебе хорошую жизнь, — говорю я.

Прошли с ним в музей. Долго старик молча стоял около курной избы, рассматривая её во всех мелочах, стараясь что-то вспомнить, как бы он её впервые видит. Здесь он мне долго рассказывал, как поп и неразоблачённые кулаки платили ему за то, что он жил в курной избе, в нищете, грязи, лишениях, показывать народу, что черти есть, сеять суеверие, как они уговаривали его не соглашаться на продажу избы и остаться в ней. Они хотели на примере Акима показать, что курные избы и нищета остались и при советской власти.

Гнусная проделка попа и кулаков не удалась.

В нашей прекрасной родине курным избам и крестьянской нищете положен конец.

Могучее, колхозное, механизированное земледелие обеспечило зажиточную, счастливую жизнь для многомиллионных масс колхозников...

Месяц тому назад я узнал у заведующей инвалидным домом — Субботиной Пелагеи Фоминичны, что старик Аким Козлов умер, причём когда ему одна сердобольная старушка перед смертью посоветовала «причаститься», — он отогнал её от себя и с возмущением закричал что хватило сил:

— Прочь, я в бога не верю!

Прошли с ним в музей. Долго и молча старик стоял около курной избы, рассматривая её во всех мелочах, стараясь что-то вспомнить, как будто он её видит впервые. Здесь он мне рассказал, как неразоблачённые кулаки платили ему, поили его за то, что он жил в курной избе, в нищете, грязи, лишениях, рассказывал народу, что черти есть, как кулаки уговаривали его не соглашаться на продажу избы и остаться в ней.

В 1938 году я узнал у заведующей инвалидным домом, что старик Аким Козлов умер, причём когда ему одна сердобольная старушка перед смертью посоветовала «причаститься», он отогнал её от себя и с возмущением сказал что хватило сил: